

Eb 159: <i>Pereqota pazajeu ije kama si[ri]</i> <i>jojorake</i>	[Pere]qota pazeveu [e]keqe kama sirijo rake toso pemo 1
Eb 377: <i>Parako ekeqe kekeme kotonooko</i>	[Pa]rako [ekeqe] kama kotonooko eo toso pemo 1
Eb 839: <i>kamaeu Mikata pazajeu ekeqe vo-</i> <i>ceqe tosoze pemo</i>	[Mi]kata pazeveu kamaeu ekeqe voceqe toso pemo 5
Eb 905: <i>Mira te[oj]o zoera paro zamo</i>	Mira teojo zoera onato eke kekemena ko- tona paro zamo toso pemo 2
Eb 900: <i>Kerita paro zamo</i>	Keri[ta] teojo zoera onato eke kekemena kotona paro zamε 2

Отсюда ясно, что *Pereqota pazajeu kama sirijojo-rake* в надп. Eb 159 и [Pere] qota pazeveu kama sirijo [ra]ke в надп. Ep 617 — одно и то же лицо; точно так же kamaeu Mikata pazajeu, который ekeqe voceqe, — то же лицо, что и [Mi]kata pazeveu kamaeu в Ep 617; он также ekeqe voceqe. А так как совершенно невероятно, чтобы каждое из этих лиц было одновременно жрецом двух божеств, причем называлось бы каждый раз только по одному из них, то, очевидно, толкование Мюлештейна отпадает.

Наконец, по третьему пути пошел Чадвик (BICS, II (1955), стр. 1—3). Ему удалось обнаружить в музее города Гераклеяона на Крите ряд неизвестных дотех пор обломков критских надписей, написанных письмом В, в том числе новые обломки надписи Ca895. После восстановления надписи из этих обломков обнаруживается следующее: мы видим здесь голову животного, похожего на лошадь с цифрой 3 и рядом написано ono (= ὄνοι, ослы); выше изображен конь с цифрой 5 и рядом написано iro (= ἵπποι, кони), наконец, изображен конь без гривы с цифрой 2 и рядом написано rogo (= πῶλω, 2 жеребенка). Нужно ли лучшее доказательство правильности дешифровки Вентриса?

В последний момент я получил возможность ознакомиться с недавно выпедшим капитальным трудом М. Вентриса и Дж. Чадвика «Documents in Mycenaean Greek», Cambridge, 1956; его оценке будет посвящена особая рецензия. Новое издание критских надписей: E. L. Bennett, J. Chadwick and M. Ventris, The Knossos Tablets, A revised Transliteration, L., 1956, мне, к сожалению, пока недоступно¹.

Проф. С. Я. Лурье

И. ТРЕНЧЕНИ-ВАЛЬДАПФЕЛЬ, *Гомер и Гесиод*, авторизованный перевод с венгерского под редакцией проф. В. И. Авдиева, Изд-во иностранной лит-ры, М., 1956, 124 стр.

Книга венгерского академика И. Тренчени-Вальдапфеля представляет большой интерес для советских читателей, поскольку ее автор стоит на последовательных марксистских позициях. Автор четко характеризует Гесиода как крестьянского идеолога начала периода классового общества в Греции, относя его деятельность к началу VII в. до н. э. и противопоставляя его аристократически настроенному Гомеру. Развивая это основное положение книги, И. Тренчени-Вальдапфель высказывает ряд научных идей, которые значительно освежают традиционный подход к Гомеру и к Гесиоду и, несомненно, являются значительным творческим достижением автора.

Так, мировоззрение Гомера отнюдь не изображается в книге как односторонняя

¹ Как я узнал из рецензии А. Н е и б е с к в «Гномон», 1957, № 1, появились две работы, посвященные пересмотру гомеровского вопроса о связи с микенскими надписями, очень интересные и по материалу и по выводам. R. H a m p e, Die homerische Welt im Lichte der neuesten Ausgrabungen, Heidelberg, 1956, и M. W o r r a, Homer and his forerunners, Edinburgh, 1955. К сожалению, я лишен возможности дать их оценку, так как самих работ еще не имею.

аристократическая идеология. По мысли автора, в творчестве Гомера нашел свое отражение постепенный рост сознания трудящихся, для него характерна высокая оценка труда и ремесла (стр. 83). Вместе с тем автор справедливо указывает, что зарождающееся классовое сознание пока еще не восстанавливает поэта против аристократии (стр. 84).

Точно так же и мировоззрение Гесиода представлено в книге во всей его сложности и полноте. Несмотря на очевидные прогрессивные тенденции в борьбе с базиливами и аристократией, у Гесиода, по мнению автора, «крестьянская частнособственническая психология дает уже чувствовать свой черствый характер» (стр. 103). Так, автор отмечает советы Гесиода крестьянам-землевладельцам, которые свидетельствуют «о безжалостном отношении к батракам».

И. Тренчени-Вальдапфель совершенно правильно замечает, что Гесиод высоко ценился в аристократических кругах и потому был приглашен на похороны Амфидаманта на Эвбею. Под влиянием традиции, идеализирующей древних героев, Гесиоду, «который не уклонялся от торжеств и пиров родовой аристократии» (стр. 39), приходилось углублять свои познания в генеалогии знати и даже изменить миф о четырех эпохах мирового развития, поместив перед железным веком век героев. Этими фактами автор подчеркивает противоречивое общественное положение певца-крестьянина Гесиода.

Нечто новое дает И. Тренчени-Вальдапфель для характеристики Гесиода, когда в этом беотийском крестьянине, всегда рисуемом человеком чрезвычайно ограниченным, он подчеркивает широту его географических горизонтов по сравнению с Гомером. В частности, автор отмечает большой интерес Гесиода к италийским делам (стр. 60), что связано, по его мнению, с той ведущей ролью, которую играли эвбейские города Эрегрин и Халкида в колонизации Италии. Гесиод участвовал в состязаниях рапсодов на Эвбее и заимствовал там мотив об «островах блаженных», отождествляемых эвбейскими греками с богатой и сказочно плодородной Италией.

Не менее интересны указания И. Тренчени-Вальдапфеля и на наличие в творчестве Гесиода восточных элементов, в частности на сочетание в «Теогонии» восточных мифов о поколениях богов с мифом о «золотом веке».

Наконец, мы считаем важным мнение автора о зарождении в поэзии Гесиода тех элементов философской мысли, которые получили дальнейшее развитие в натурфилософии, в частности у Гераклита. Речь идет об изображении у Гесиода резких противоречий растущего классового общества, давших почву для формулировки этих противоречий и в мышлении.

Очень интересны хронологические соображения автора, по которым Гомер относится к более раннему времени, чем Гесиод. И. Тренчени-Вальдапфель весьма умело и остроумно доказывает, что распространенный способ аргументации тезиса о хронологическом первенстве Гесиода над Гомером с одинаковым успехом приводит и к обратному выводу. Так, автор одной из последних работ о Гомере М. Римшнейдер считает, что Гомер ограничивается лишь намеком на мотивы, подробно изложенные Гесиодом, и приводит в пример клятву богов Стиксом в «Илиаде» (XV, 36—37), которую якобы Гомер особенно не поясняет, так как в свое время это детально сделал Гесиод (Theog., 400), или же Гомер мелко говорит о рождении Афины из головы Зевса (II, V, 875, 880), так как Гесиод подробно изложил этот миф в «Теогонии» (924). И. Тренчени-Вальдапфель отмечает со своей стороны целый ряд мотивов, которые едва намечены у Гесиода, но зато прекрасно освещены у Гомера, например, эпизод в Авлидской гавани (II, II, 301—332) или отношения Одиссея с Калипсо и Киркой, о потомстве которых лишь кратко упоминает Гесиод. При изучении данного вопроса, по мнению автора, важно прежде всего учитывать социально-экономические особенности эпох, породивших эпос героический и дидактический.

В связи с этим И. Тренчени-Вальдапфель справедливо отмечает, что Гесиод в отличие от Гомера, связанного с культурой ионийских городов, относился к ремеслу в известной степени «подозрительно» (стр. 85), боясь его вредных последствий для мелкого беотийского крестьянства. Этим вызвана и достаточно отрицательная оценка у

Гесиода деятельности Прометея, так как он, украв огонь у богов, дал возможность людям обрабатывать металл, что способствовало разрушению бесклассового первобытно-общинного строя, наделяемого чертами «золотого века» (стр. 85). Вполне закономерно утверждение И. Тренчени о том, что миф о Прометее получил свое подлинное оформление в эпоху афинской демократии, «знаменующей собой наступление классового господства ремесленников и купцов» (стр. 85).

Гомер и Гесиод далее ярко противопоставлены с точки зрения понимания того, что греки называли *Δίκη*, т. е. Правды. Автор приходит к очень интересным наблюдениям, изучая этот вопрос. У Гомера образ Дике находится в стадии становления, воплощая лишь естественный порядок вещей, лишенный морального значения. Зевс даже иногда покровительствует грабителям (Od., XIV, 84). У Гесиода образ девы Правды — дочери Зевса «выступает уже определенно как правда угнетенных против своих угнетателей» (стр. 86). И это еще раз доказывает более поздний характер поэзии Гесиода по сравнению с Гомером.

В книге И. Тренчени-Вальдапфеля читатель встретит немало других интересных мыслей, явившихся результатом социально-исторического подхода автора к фактам мифологии и литературы. Автор использует чрезвычайно широкий материал источников, в том числе тексты позднего происхождения (например, «Сатурналии» Макробия), умело оперирует самыми разнообразными историческими фактами. Книга написана в живом, лишенном сухого академизма стиле.

Книга И. Тренчени-Вальдапфеля, изобилующая свежими и интересными мыслями, не лишена, однако, некоторых увлечений и односторонностей. Концепцию Гесиода о смене поколений и «золотом веке», а также ряд его космогонических мотивов автор приписывает восточному влиянию — хеттскому, хурритскому, шумеро-аккадскому, финикийскому, вавилонскому, индийскому, даже библейскому (стр. 28—34). Нам кажется, что это влияние чрезмерно преувеличено в книге, что, может быть, основано на правильном желании представить греческую мифологию как можно менее изолированной.

Автор правильно подчеркивает значительное влияние аристократической идеологии на творчество Гомера. Тем не менее вряд ли можно так резко отрывать Гомера от общей линии демократического развития Греции. Сам И. Тренчени-Вальдапфель справедливо усматривает в поэзии Гомера новые, прогрессивные тенденции общественного развития. Однако эти тенденции отражались в его творчестве гораздо более глубоко и разносторонне. В частности, вряд ли можно считать его только певцом войны (стр. 98). Стоит вспомнить то, как Зевс квалифицирует Ареса в конце V песни «Илиады», чтобы признать военные идеалы отнюдь не исключительными для Гомера. Вообще И. Тренчени-Вальдапфель склонен отодвигать Гомера в слишком далекую эпоху, не придавая значения таким, например, важным чертам гомеровского эпоса, как пародия, ирония, увлечение сказкой, ослабление древней буквальной мифологии и т. д.

Автор видит в Теомяхии «Илиады» (XX песнь) только «трагическую напряженность» и отрицает черты иронического и пародийного рисунка Гомера в этой песне (стр. 72). Но как иначе можно оценить знаменитую битву богов, в которой Афина бьет Артемиду по щекам, ругает ее последними словами, та рыдает, рассыпав свои стрелы, и т. д., и т. п. Здесь, как и всюду у Гомера, надо искать переплетение древних и новых элементов, а кроме того, даже наиболее традиционное и серьезное отношение к богам никогда не исключало их критического восприятия и даже осмеяния. Автор пишет, что «Гомеру нельзя сравнивать даже с Аристофаном» (стр. 74). Сравнивать в чисто внешнем плане нельзя, но ведь нельзя и забывать, что окончательное формирование гомеровского эпоса происходило в VII—VI вв. до н. э., когда уже полным ходом шло развитие идей греческой натурфилософии, хотя критика богов у Гомера, как и у Анаксагора, и у Эврипида, и у Аристофана, совсем не имела прямого атеистического характера.

Мы бы указали также на огромную противоречивость различных социально-исторических элементов у Гомера и Гесиода, отражающих не одну какую-нибудь эпоху, но целый ряд разнообразных эпох, вплоть до периода матриархата. Впрочем,

возможно, автор и не ставил своей задачей анализ поэзии Гомера и Гесиода в этом аспекте.

В заключение необходимо сказать, что рецензируемая книга, хотя и может вызвать отдельные сомнения или возражения по некоторым вопросам, в целом производит яркое и свежее впечатление, пронизана здравым и реалистическим подходом к запутанным и малоизученным проблемам греческой истории. Желательно, чтобы и другие труды акад. И. Тренчени-Вальдапфеля были переведены на русский язык. Его исследования о Пандоре, Беллерофонте, о композиции гомеровских поэм, несомненно, обогатили бы нашу научную литературу об античности, содействуя к тому же и углублению научных связей между учеными Советского Союза и Венгрии.

А. А. Тахо-Годи

С. И. КОВАЛЕВ и Е. М. ШТАЕРМАН, Очерки истории древнего Рима, М., Учпедгиз, 1956, 335 стр., тираж 25000 экз., цена 7 р. 60 к.

Трудности, связанные с преподаванием в школе сложного материала древней истории, вызывают настоятельную потребность в соответствующей научно-популярной литературе для учителей. Поэтому труд, предпринятый С. И. Ковалевым и Е. М. Штаерман, является актуальным и своевременным.

Книга состоит из очерков, соответствующих в основном параграфам школьного учебника, относящимся к истории Рима.

В первом очерке описываются природа и население древней Италии. Очерк содержит большой фактический материал, характеристику племен, населявших Апеннинский полуостров, и, что очень важно, гипотезы об их происхождении. С. И. Ковалев очень правильно подчеркивает тормозящее влияние географической среды на развитие итальянского общества (стр. 14). Однако он преувеличивает ее роль, усматривая в географической среде одну «из предпосылок римского военного могущества» (стр. 13). Связь качества армии с географическими условиями слишком опосредствована, чтобы придавать им столь большое значение.

Приведя легенду об основании Рима, автор описывает действительный процесс его возникновения, четко характеризует общественный строй, реформу Сервия Туллия. Достаточно последовательно изложены основные этапы борьбы плебеев с патрициями и сделан принципиальный вывод об уничтожении в результате этой борьбы «олигархической республики патрициев, как пережитка родовых отношений и создании в принципе демократического рабовладельческого города-государства, полиса» (стр. 37). Таким образом, учитель найдет в рецензируемом очерке интересный фактический материал и четкие обобщения.

Однако и по этому разделу могут быть сделаны отдельные замечания. Непонятно положение автора, что борьба плебеев с патрициями началась в VI в. до н. э. на почве социальной дифференциации внутри плебса (стр. 29). Социальные различия в плебейской общине могли привести, очевидно, лишь к борьбе внутри этой социальной группы. Причиной борьбы плебеев с патрициями следует скорее признать общий недостаток земли у плебеев и связанную с ним прогрессирующую задолженность¹. Можно пожалеть, что автор отказался от изложения ряда ярких легенд из ранней истории Рима и, в частности, из истории борьбы патрициев и плебеев.

У читателя создается ясное представление о сословно-классовой структуре и государственном строе римского общества III в. до н. э. Приведенные автором факты обосновывают общий вывод о том, что Римская республика содержала ряд недемократических элементов и олигархических черт, особенно проявившихся в конституцион-

¹ См., например, Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, 1949, стр. 127.